

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ПЕРЕКРЁСТОК ИНТЕРЕСОВ

Леонид Горяинов, координатор исследовательских проектов Центра социально-консервативной политики (ЦСКП)

Общая, совместная безопасность и устойчивое развитие центразиатского макрорегиона – центра «Большой Евразии» как никогда ранее тесно взаимообусловлены.

Немногим более столетия назад территория современных стран Центральной Азии (ЦА) была периферией глобальных политических процессов на границах Российской, Британской, Китайской империй и Персии. Сегодня этот обособленный экономико-географически, климатически, и политически ресурсно богатый регион становится центром интересов ведущих центров мирового влияния. При этом составляющие его страны имеют при всех различиях, свои общие экономико-политические интересы, которые должны быть в полной мере защищены механизмами коллективной безопасности во всё более многополярном и быстро меняющемся мире.

Как пример, состоявшийся на полях Генеральной Ассамблеи ООН саммит в формате «С5+1» (США и Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) показал, что Соединённые Штаты пытаются наверстать отсамти потерянное влияние в этом удалённом от их территории макрорегионе, где объективно сильно выражено и продлжает возрастать влияние его ближайших соседей (России, Китая, Ирана). По мнению многих аналитиков, США важно было просто «продемонстрировать присутствие. Перед завершением саммита Байден сказал, что ближайшая встреча с лидерами пяти «станов», возможно, состоится в одной из их стран. Отмечалось, что этот визит (если он состоится) станет первой поездкой в ЦА действующего президента США.

Основная часть переговоров прошла за закрытыми дверями, однако, по имеющимся сведениям, Соединённым Штатам пока не удаётся сформулировать комплексную привлекательную для стран ЦА повестку. Там до сих пор не преодолён скепсис в отношении политики США, возникший после фактического бегства США из Афганистана (полная эвакуация военного контингента к 31 августа 2021 года) после многолетней многомиллиардной «накачки» ранее действовавшего правительства, не приведшей к его устойчивости и жизнеспособности.

Характерны в этой связи обнародованные довольно абстрактные предложения США «усилить финансирование безопасности Центральной Азии», «начать диалог о помощи пяти странам региона в добыче полезных ископаемых», «укреплении энергетической безопасности», «осуществить визит в одну из центральноазиатских стран». Возможно, более детализированные предложения будут поступать в страны в «индивидуальном» порядке.

Для США наиболее важным итогом встречи можно считать то, что она вообще состоялась и в ней приняли участие все пять президентов (хотя их визит на Генеральную Ассамблею создавал для встречи комфортные условия). «Мы развиваем многолетнее тесное сотрудничество между Центральной Азией и Соединёнными Штатами — сотрудничество, основанное на нашей общей приверженности суверенитету, независимости и территориальной целостности», — заявил президент США Байден президентам пяти стран. Как сообщалось, он

пообещал продолжать сотрудничество по вопросам безопасности границ, борьбы с терроризмом и деятельности правоохранительных структур.

Со стороны США заявлено о планах запустить бизнес-платформу в дополнение к дипломатической платформе «С5+1» для создания более благоприятной бизнес-среды для торговли и американских частных инвестиций в экономику региона. USAID (Американское агентство по международному развитию, как предполагается, организует для этого в октябре министерскую встречу в Центральной Азии «для обсуждения конкретных действий, которые будут способствовать инклюзивному и устойчивому экономическому развитию». Обращает на себя внимание ярко выраженная «ресурсная ориентация» предложений «начать диалог с пятью странами региона для разработки огромных залежей полезных ископаемых». «Мы обсуждаем потенциал нового диалога по критически важным минеральным ресурсам для укрепления нашей энергетической безопасности и цепочек поставок на годы вперед», — подчеркнул Байден.

Для поставок планируется привлечь инвестиции и развивать Транскаспийский коридор Восток-Запад (из Казахстана и Туркменистана в Азербайджан — альтернативный торговый маршрут из Китая и ЦА в Европу через Центральную Азию и Кавказ, минуя территории России и Ирана. Отметим, что рост грузоперевозок через Транскаспийский маршрут (Срединный коридор) в 2022 году увеличился в 3 раза, а в январе-июле 2023 года вырос почти в два раза по сравнению с аналогичным периодом 2022-го. Однако в относительном измерении объёмы перевозок по нему остаются незначительны из-за перегрузок суша-море-суша-море, разной ширине железнодорожной колеи в Азербайджане (широкая – 1520-1524 мм) и Турции (1435 мм), недостатка транспортных и портовых мощностей и вызванной этим дороговизны перевозок.

По всей видимости, особое внимание США будет уделено Казахстану (в силу его географии и ресурсной обеспеченности). Однако его транзитные мощности в высочайшей степени «завязаны» на Россию и Китай.

ЭКСПОРТНЫЕ МАРШРУТЫ НЕФТИ ИЗ КАЗАХСТАНА

Отметим, что по сообщениям СМИ, в январе—марте 2023 года поставки из каспийского порта Актау в Баку (основной маршрут в обход России) составили всего 163,4 тыс. тонн. Это в шесть раз больше, чем за тот же период 2022 года (28,8 тыс. т). Национальный морской перевозчик Казахстана «Казмортрансфлот» сообщил агентству, что в первом квартале 2023 года еще 104 тыс. тонн нефти было отправлено по трубопроводу Баку — Тбилиси — Джейхан (БТД), к нему нефть перевозят по Каспийскому морю. Казахстан также поставляет в Китай более 80 тыс. тонн нефти в месяц. Для сравнения: объем добычи нефти и газового конденсата в Казахстане в 2022 году составил 84,2 млн т, а в 2023 году Министерство энергетики страны ожидает роста добычи нефти до 90,5 млн т, из которых 71 млн т планируется экспортировать.

В политическом аспекте мимо глаз руководства Казахстана и других стран не прошла важная деталь. Накануне встречи «2С5+1» международная правозащитная организация Human Rights Watch (HRW) призвала Байдена «отдать приоритет проблеме прав человека на встрече с лидерами региона, где установились авторитарные системы». HRW отдельно отметила, что разгон массовых протестов в январе 2022 года в Казахстане сопровождался «грубым нарушением

прав человека, чрезмерным применением силы в отношении демонстрантов», произвольными задержаниями и арестами, жестоким обращением с задержанными и пытками. США, согласно HRW, следует настаивать на проведении независимого расследования и привлечении к ответственности виновных в нарушении прав человека и **«не допустить того, чтобы казахстанский Кровавый январь выпал из повестки дня».** О характере действий ряда представителей противоположной стороны HRW предпочла не упоминать.

В официальных сообщениях нет информации и о том, обсуждали ли лидеры вопрос соблюдения антироссийских санкций странами Центральной Азии. Но в эксперты единодушно уверены, что вопрос обсуждался за закрытыми дверями и ему было уделено особое внимание, поскольку Запад обеспокоен поставками подсанкционной продукции в Россию и из неё в том числе и через государства ЦА.

Макрорегион остаётся в центре внимания российского экспертного сообщества. Особенности, потребности и условия его развития региона были обсуждены на Круглом столе «Устойчивое развитие: центрально-азиатский аспект», который провёл Центр Социально-Консервативной Политики (ЦСКП) в Санкт-Петербурге 15 сентября в рамках Форума «Устойчивое развитие».

На мероприятии отмечалось, что синхронизация национальных планов и программ развития стран ЦА и России – важнейшая задача государств региона и их крупнейших экономических субъектов. Сегодня на этом пространстве с растущим населением (сегодня примерно 75 миллионов человек) исключительно важно сближение и гармонизация интересов и отдельных государств, и наднациональных структур – ШОС, ЕАЭС, ОДКБ.

Центральная Азия: какая динамика обеспечит устойчивость?

Что такое «устойчивое развитие» применительно к центрально-азиатскому региону? На этом вопросе в рамках базового доклада подробно остановился Директор проекта ЦПО РАНХиГС СПб Игорь Шувалов. Он полагает, что перевод sustainable development имеет ряд коннотаций (гармоничное развитие, устойчивое развитие, стабильное развитие). При этом речь часто идет о балансе между

экономическим развитием и экологическими, социальными аспектами, в том числе, на первый взгляд, в ущерб производству и потреблению.

Центрально-Азиатский регион (ЦАР), под которым понимается территория бывших среднеазиатских Республик СССР, находится на пересечении целого ряда сфер влияния крупных полюсов силы. Расположенные здесь страны входят в различные ассоциации, частично одновременно: ЕАЭС, ОТГ (организация тюркских государств во главе с Турцией), ШОС. ЦАР представляет из себя территорию, подверженную влиянию одного из наиболее объемных наборов факторов во всем мире и, в этом смысле, по праву может считаться «центром Евразии», узлом многих пересечений и противоречий, особенно, если сюда добавить еще Афганистан.

Шувалов считает, что можно выделить следующие группы факторов, влияющие на развитие территорий ЦАР:

- 1) Геополитическая, подразделяющаяся на внешние и внутренние факторы;
- 2) Климатическая
- 3) Экономическая
- 4) Социальная
- 5) Влияние развития мировой инфраструктуры
- 6) Культурное взаимодействие

Среди климатических факторов, требующих сотрудничества центрально-азиатских государств, Региональный экологический центр Центральной Азии (РЭЦЦА), работающий в Казахстане с 1999 года, выделяет пять: водное сотрудничество, экологическое сотрудничество, изменение климата, энергоэффективность и образование для устойчивого развития. Большое внимание уделяется экологической информации и экологическим индикаторам. Очень долго работал РЭЦЦА со странами Центральной Азии, по организации системного сбора информации, системных публикаций, отчетов о состоянии окружающей среды. Докладчик привёл мнение директора РЭЦЦА, доктора Искандара Абдулаева: «Экологические вызовы в Центральной Азии очень разнообразны, очень серьезны. Самый большой вызов – это водный вызов. Возможная нехватка воды, дефицит,

ухудшение качества воды. Общими словами, воды станет недостаточно для развития региона. Это еще трансграничные вопросы. Это большой блок вызовов».

Согласно данным портала «Экономические процессы в Центральной Азии: проблемы и перспективы решения» с начала 2000 гг. рост экономик стран Центральной Азии в среднем происходил на 6,7% в год. Это хороший показатель с учетом динамики роста народонаселения и взаимосвязи между его ростом и повышением макроэкономических показателей. Совокупный ВВП Центральной Азии составил 347 млрд долл. в 2021 г. За последние два десятилетия ВВП стран Центральной Азии увеличился более чем в семь раз, а в реальном выражении — в четыре раза.

Важнейшими здесь являются факторы развития инфраструктуры пан-евразийского масштаба. В первую очередь, «Один пояс – один путь», имеющий целью развивать железнодорожное, трубопроводное и автомобильное сообщение между Китаем и странами ЕС через территорию ЦАР. Включаясь в подобные проекты, государства ЦАР не могут существенно влиять на их ход в силу несопоставимости потенциалов с основными игроками (Китай, ЕС), но само взаимодействие с территориями порождает ряд как положительных, так и отрицательных факторов влияния на территорию в динамике (динамика трудовых ресурсов, инвестиции в регионы, экология). Подытоживая, Шувалов отметил, что ЦАР является исторически сложившейся, обладающей при этом рядом общих интересов и внутренних противоречий территорией, подверженной наиболее полному набору факторов влияния на ее устойчивое развитие.

Вызовы устойчивости и ответ на них

Оппоненты интеграционных процессов пытаются продвигать свои интересы в «Большой Евразии» посредством «дуг нестабильности», - предупреждает Владимир Колотов, д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории стран Дальнего Востока СпбГУ. Среди примеров он указал:

- Восточную Европу (где идёт настоящая «горячая» война);
- Центральную Азию, где есть ряд стран с невысоким «режимом прочности»;

- ближневосточную «дугу»;

- Южную Азию (с приграничным пока «палочным» приграничным противостоянием входящих в БРИКС Индии и Китая, многолетним индо-пакистанским противостоянием из-за спорных территорий);

- Восточно-Азиатский конфликтный регион («тайваньский вопрос», корейское противостояние);

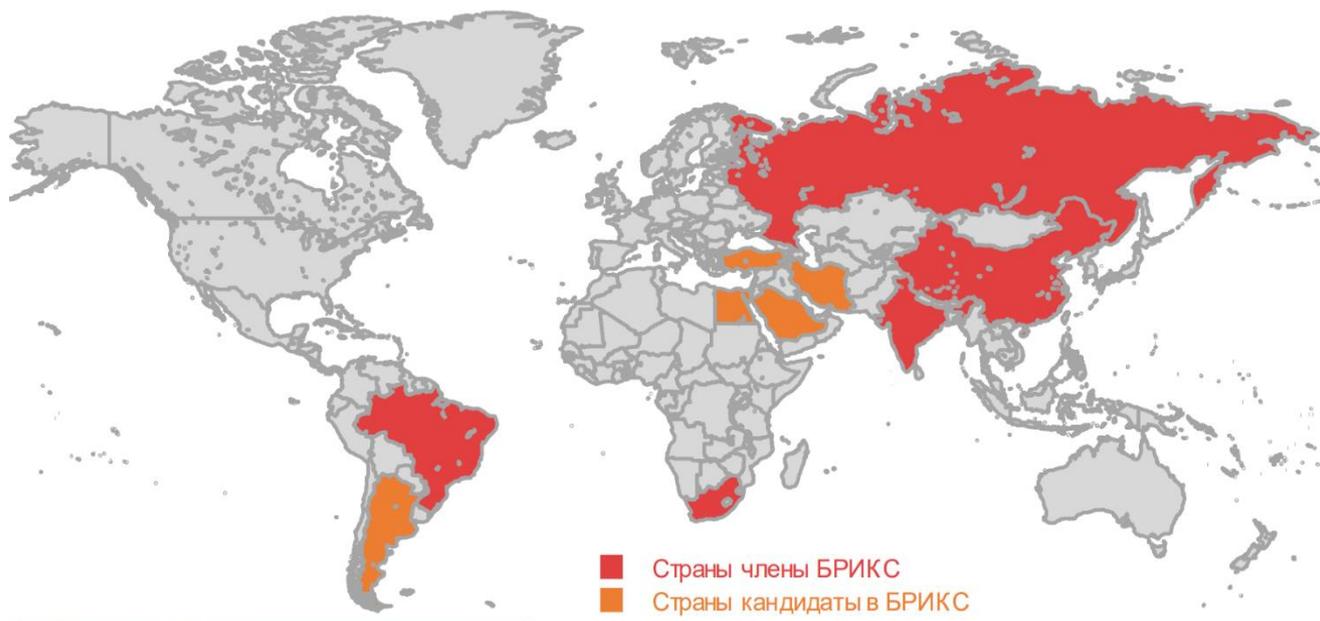
- назревающий «арктический сегмент» противостояния.

По мнению Колотова, характерно, что эти дуги окольцовывают не только Россию, но и Китай. Одним из базовых условий противодействия внешним деструктивным влияниям он считает не «пресловутую «толерантность» (по принципу «ненавижу, но терплю»), а взаимоуважение ценностей и культур соседей, стремление обогатить ими собственную ментальность. Другое условие – поддержание дееспособности «рёбер жёсткости» континента среди которых – ОДКБ, ЕАЭС, ШОС, традиционные религии. В ситуации ослабления долларовой системы надо очень хорошо подумать, а что можно предложить в замену ей, каково вообще должно быть объединяющее Центральную Азию предложение «элитам и народам»?

Международный эксперт ЮНИДО по проблемам изменения климата и обеспечения химической безопасности Алесандр Старцев полагает, что в обстановке «войны смыслов» характер базовых универсальных опор приобретают общие нематериальные ценности в триаде «природа-культура-народ». Он полагает, что проект «Большая Евразия» носит концептуальный, ценностный характер и чем раньше и последовательнее он будет воплощаться, тем лучше для всего мира.

Исключительную важность для стран Центральной Азии развития БРИКС подчеркнул Игорь Фомин - Председатель Правления АНО "Организация развития БРИКС-ИНТЕРО", Генеральный директор Центра инновационного развития и сертификации «ИнноПром». Он полагает, что что у ряда «старых» и «новых» (будущих) стран-участниц БРИКС ярко выражен «идеологический вектор». И, к тому же, именно в БРИКС смещается вектор развития, включая культурное.

БРИКС уже сейчас – более 60% реальной, материальной экономики и эта доля ещё более вырастет. У объединения есть все возможности и для признанного интеллектуального лидерства.

По мнению Игоря Фомина, дело за тем, чтобы заработали отраслевые секретариаты БРИКС и в объединение всё более внедрялась проектная логика.

При применительно к Центральной Азии, как и везде, необходимо ранжировать цели устойчивого развития, поскольку в ряде случаев движение к одним целям отдаляет другие, - полагает Николай Бобылев, представляющий СПбГУ и ФАУ Единый научно-исследовательский и проектный институт пространственного планирования Российской Федерации. Также важна фиксация рейтингов этих целей. Предлагаемая им форма – местные и национальные обзоры уже вошедшие в практику многих стран, ряда российских регионов, муниципалитетов. Николай Бобылёв уверен, что для стран Центральной Азии и всех действующих там интеграционных структур, необходимо включить в национальную повестку вопросы социальной и экологической безопасности, без решения которых об «устойчивости» в макрорегионе не может быть и речи.

О связи социальной и экологической безопасности применительно к странам ОДКБ говорил Первый заместитель Председателя Правления ОО «Наш дом – планета» Олег Долгов. Он выделил, как минимум, четыре основных критерия оценки социальной безопасности. Систему социальной безопасности того или иного государства оценивают по ее способности:

а) не допускать эскалации социальной напряженности, своевременно и эффективно разрешать социальные конфликты, предотвращать возникновение ситуации социального взрыва;

б) предотвращать деформацию и деградацию социальных институтов и социальной структуры (как ее нивелирования проявление уравнилельных тенденций, так и развития процессов неадекватного социального расслоения, поляризации, маргинализации и люмпенизации);

в) обеспечивать устойчивость и совершенствование социальной структуры при нормальной вертикальной и горизонтальной социальной мобильности;

г) поддерживать адекватность системы ценностных ориентации и культуры общества, в том числе политической и экономической, всех социальных институтов в целях обеспечения всестороннего развития общества.

Олег Долгов подчеркнул опасность быстрого перехода вопросов экологической безопасности (в частности водной) в социальную внутрнстрановую и межгосударственную плоскость, чему уже были примеры. Он подчеркнул, что не все страны Центральной Азии входят в ОДКБ, но все входят в СНГ, и поэтому обе организации должны усилить работу по упреждению. Это особенно важно с учётом того, что угрозы в этой сфере способны назревать быстро, а последствия, если они вообще обратимы, преодолеваются порой очень долго. В этом он видит важнейшую задачу для ОДКБ и его взаимоотношений с соседями.

В выступлении эксперта ЦСКП-Северо-Запад профессора профессор Смольного института Российской Академии Образования Александра Посадского также были затронута экологическая проблематика. Касаясь темы современных экологических вызовов и угроз, он проанализировал вопросы, связанные со строительством канала Куш-Тепе (пушту *كانال قوش تپه*), длиной 285 км, стоимостью 684 млн долларов (уже задействовано около 6000 рабочих), начатого в 2022 г., в провинции Афганистана Балх. По мнению Александра Посадского, завершение строительства канала (намечено на 2028 г.) вызовет отведение до 35 % воды Амударьи на северные территории Афганистана, что способно привести к критическому усилению дефицита водных ресурсов стран Центрально-Азиатского региона, к их истощению на территории Узбекистана (который потеряет до 20 % оросительной воды реки и огромные посевные площади). Само строительство канала требует системных и комплексных высокотехнологических работ. Однако грунтовое русло канала свидетельствует о том, что проект не осуществляется как высокотехнологический и, следовательно, большие потери воды, появление грандиозной зоны засоления и заболачивания земель, а затем и упадок сельского хозяйства становятся неизбежны.

В пространстве стратегических экологических рисков окажутся, прежде всего, земли Узбекистана и уже «исчезающее» Аральское море. Экологические бедствия, предупреждает Посадский, в странах Центрально-Азиатского региона повлекут социальные катаклизмы. Он считает, что в данной ситуации необходимо, чтобы российское экспертное сообщество интенсивно включилось в обсуждение тематики экосоциальных последствий строительства канала (дефицит воды в регионе, экологическая миграция и др.), которые неминуемо затронут и россиян. Российские эксперты совместно с экспертами Узбекистана могли бы разработать предложения, касающиеся стратегии экологической модернизации системы использования водных ресурсов Узбекистана.

Председатель Совета узбекской национально-культурной автономии, член Совета по межнациональным отношениям при Губернаторе Ленинградской области, Президент благотворительного Фонда «УзМир» Равшанбек Курбанов полагает, что узбекская экономика становится ваднейшей в Центральной Азии, а сам Узбекистан занимает в ней географически также «центральную позицию». На его территории отражены все проблемы и возможности Средней Азии и его устойчивое развитие в очень большой степени определит прогресс макрорегиона. Понимая это, люди в Узбекистане делают выбор к открытости и взаимодействию с ближними и более отдалёнными соседями. Например, в республике растёт популярность русских школ, так как люди осознают, что они расширяют возможности.

Главный редактор газеты «Общество и экология», член Экологического Совета при Губернаторе Санкт-Петербурга Сергей Лисовский отметил, что ёмкость экологических экосистем при росте мирового населения всё более ограничена и общества должны всё более переориентироваться от «эффективного производства» и потребления на охрану природы. Само понятие «эффективности» становится иным. Евразии в целом необходима целостная и слаженная экологическая политика и альтернативы её выработке нет. Особенно хорошо это понимает соседний с Центральной Азией Китай: в 2018 году он впервые включил постулат о построении экологической цивилизации в свою Конституцию. Россия же является евразийским и мировым экологическим донором, и биосферным резервуаром. Что является ещё одним мотивом к их теснейшему взаимодействию.